
УДК: 336.717: [330.1: 004.7]

JEL: B 16; B 43

Валерия Корнивская

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ ФИНАНСОВОЙ ИНКЛЮЗИИ

Представлены результаты исследования современных процессов финансовой инклюзии. Обосновано понятие финансовой инклюзии и её мировой уровень, систематизированы существующие теоретико-методологические и эмпирические подходы к определению её роли для обеспечения устойчивого развития. На основе анализа фундаментальных условий и актуальных факторов активизации финансовой инклюзии обоснована истинная цель и последствия внедрения цифровой финансовой инклюзии в национальных хозяйствах и глобальной экономике и показана роль мировых финансовых институтов в этих процессах. Особое исследовательское внимание уделено влиянию финансовой инклюзии на решение проблем бедности и неравенства в обществе. Показано, что современная финансовая инклюзия служит не интересам большинства, но чётко ограниченному кругу представителей глобальной экономической и финансовой элиты путём создания условий инвариантности финансовой инклюзии для рядовых экономических агентов. Доказано, что главным долгосрочным институциональным риском глобальной финансовой инклюзии и безналичного обращения является согласие на потерю финансовой свободы со стороны рыночных субъектов в условиях роста неопределённости экономического и общественного бытия и проблем бедности.

Ключевые слова: финансовая инклюзия, Всемирный банк, глобальные корпорации, монетизация спроса, бедность, неравенство, институциональный риск.

INSTITUTIONAL RISKS OF FINANCIAL INCLUSION

Valeria Kornivska (vkornivska@ukr.net), Doctor of Economics, Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0404>

The article presents the results of a research on the current processes of financial inclusion, substantiates the concept of financial inclusion and its world level, and systematizes the existing theoretical-methodological and empirical approaches to determining its role for sustainable development. Based on the analysis of fundamental conditions and current factors of intensification of financial inclusion, the author substantiates the real purpose and consequences of the introduction of digital financial inclusion in national economies and in the global economy and shows the role of global financial institutions in these

Корнивская Валерия Олеговна (vkornivska@ukr.net), д-р экон. наук; старший научный сотрудник ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины". ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0404>

Ц и т и р о в а н и е . Корнивская В. О. Институциональные риски финансовой инклюзии. Экономическая теория. 2020. № 4. С. 45–64.

© В. Корнивская, 2020

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2020. № 4: 45–64

processes. Particular attention is paid to the impact of financial inclusion on solving the problems of poverty and inequality in society. It is shown that modern financial inclusion does not serve the interests of the majority, but rather the interests of a clearly limited circle of representatives of the global economic and financial elite by creating conditions for the invariance of financial inclusion for ordinary economic agents. The author argues that the main long-term institutional risk of global financial inclusion and non-cash circulation is the consent to the loss of financial freedom by market participants in the face of growing uncertainty in economic and social life and poverty.

Key words: financial inclusion, World Bank, global corporations, monetization of demand, poverty, inequality, institutional risk.

Понятие финансовой инклюзии и её современный мировой уровень

По определению Всемирного банка, финансовая инклюзия – это свободный доступ физических и юридических лиц к продуктам и услугам, удовлетворяющим их потребности, предоставляемым ответственно и устойчиво – транзакций, платежей, сбережений, кредитования и страхования (*Світовий банк*, 2020). Актуальный контекст финансовой инклюзии связан прежде всего с доступностью финансовых услуг для домохозяйств, малых и средних предприятий (*Barajas, Beck et al.*, 2020), которая обеспечивается богатством интернет-технологий, средствами мобильной связи для удалённого доступа к любой финансовой операции: от перевода до получения кредита и страхования автомобиля. Активатором финансовой интегрированности являются цифровые технологии. Как показывает последний отчёт МВФ, даже в тех странах, где финансовая активность уменьшается, цифровая финансовая индустрия позволяет не только её восстановить, но и усилить (*Sahay, Allmen et al.*, 2020).

Главным драйвером, ставящим амбициозные задачи по финансовой инклюзии и постоянно действующим на пути их достижения, является уже упоминавшийся Всемирный банк¹: первые системные исследования финансовой инклюзии и необходимые меры по её углублению, учитывая экономические, институциональные, этнические и гендерные особенности стран, были представлены именно его специалистами (*Demirguc-Kunt, Klapper*, 2012); именно Всемирный банк первым поставил цель всесторонней финансовой инклюзии всего населения мира (*Світовий банк*, 2020).

Финансовая инклюзия начинается с открытия транзакционного банковского счёта, который становится шлюзом для других финансовых услуг, поэтому в своей программе "Всеобщий финансовый доступ 2020" Всемирный банк провозглашает обеспечение доступа людей всего мира к транзакционному счёту в качестве основной задачи Группы Всемирного банка (*Світовий банк*, 2020). Ведётся настойчивая работа в этом направлении, и её результатом стало то, что с 2011 года 1,2 миллиарда взрослых людей во всём мире получили доступ к банковскому счёту, при этом всего по состоянию на 2020 год фи-

¹ В этом контексте следует отметить, что не только Всемирный банк, но и МВФ, ЕЦБ, Азиатский банк развития, другие наднациональные финансовые учреждения участвуют в исследованиях и внедрении всесторонней финансовой инклюзии, но первенство за Всемирным банком.

наново инклюзивны 69% взрослого населения планеты (*Світовий банк, 2020*). Здесь следует отметить, что это самая успешная инициатива этого мирового института – всего за 9 лет практически шестая часть населения планеты стали частью механизма глобального контролируемого движения финансовых потоков. В то же время 1,7 млрд взрослого населения планеты остаются вне банковской системы (*Barajas, Beck et al. 2020*), поэтому активная работа в этом направлении продолжается, и она подкрепляется мощным теоретико-методологическим и аналитическим бэкграундом: специалисты Всемирного банка единогласно провозглашают положительное влияние финансовой инклюзии на краткосрочное и долгосрочное благосостояние населения и экономический рост стран.

Они считают, что финансовая инклюзия облегчает повседневную экономическую активность рыночных субъектов, а также помогает домохозяйствам и компаниям планировать всё – от долгосрочных целей до неожиданных чрезвычайных ситуаций; при этом, будучи владельцами счетов, клиенты чаще пользуются другими финансовыми услугами, такими как кредит и страхование, для открытия и расширения бизнеса, инвестирования в образование или здравоохранение, управления рисками, что может улучшить общее качество их жизни. *Финансовая инклюзия была определена фактором, способствующим достижению 7 из 17 целей устойчивого развития. Главным провайдером цифровой финансовой инклюзии на уровне государств является G20 (Світовий банк, 2020).*

Финансовая инклюзия выше в развитых странах, однако её актуальные темпы распространения значительно выше в развивающихся странах (*Demirguc-Kunt, Klapper, 2013*). По данным Всемирного банка, среди развивающихся стран наиболее активно внедряют цифровую финансовую инклюзию Китай, Кения, Индия, Таиланд, в этих странах более 80% взрослого населения имеют банковские счета. Странами с динамичным развитием финансовой инклюзии являются также бедные африканские страны южнее Сахары, где с 2011 года инклюзия выросла с 12 до 21% (благодаря мобильному банкингу). Начиная с 2010 года 55 стран взяли на себя обязанности по активизации внедрения финансовой инклюзии, 60 стран уже разработали национальные стратегии развития финансовой инклюзии (*Світовий банк, 2020*).

В то же время даже в развитых странах финансовая инклюзия ещё не тотальна. Исследование потребительского финансирования в США и 14 странах еврозоны показало (*Ampudia, Ehrmann, 2017*), что количество домохозяйств вне официальной банковской системой (unbanked) составляет 7,5% и 3,6% соответственно. Анализ показывает, что в США на высокий показатель финансовой неинтегрированности влияет фактор малообеспеченности и низкой образованности населения. В еврозоне этот фактор не является определяющим. Зафиксирован разрыв в благосостоянии между домохозяйствами, имеющими банковский счет, и домохозяйствами, не имеющими такового, и он является существенным: 74 тыс. долл. в США и 42 тыс. евро в еврозоне; это доказывает, что богатые более финансово инклюзивны. Но есть ли обратная связь, помогает ли финансовая инклюзия стать богаче, создавая основы социальной мобильности? С этим ещё нужно разобраться.

История научного дискурса относительно финансовой инклюзии и её логико-исторический смысл

История возникновения научного дискурса по финансовой инклюзии уходит своими корнями в исследования взаимосвязи финансового и общеэкономического развития. Каждый новый уровень экономической эволюции давал исторические свидетельства аналитической заинтересованности во влиянии финансовых процессов на экономическое развитие. В XX веке произошла активизация научных исследований в этом направлении, в 1960-х была опубликована работа Р. Голдсмита "Финансовая структура и развитие", в которой обосновано, что в долгосрочной перспективе наблюдается параллелизм в развитии финансовых рынков и реальной экономики, когда более высокие темпы роста реального сектора происходили на фоне активного развития финансовых операций (*Goldsmith, 1969*). Из этого следовало, что активизация клиентского спроса на финансовые услуги должна стимулировать экономическое развитие.

Научный взлёт в анализе экономического влияния финансовых институтов совпал по времени с активизацией кредитного процесса в среде домохозяйств (в США в 1960-х годах, в Европе в 1980-х годах), что в 1980-х в начале 2000-х заложило эмпирическую основу для ряда системных исследований кредитного процесса и его влияния на финансовое поведение (и наоборот) (*Stiglitz, Weiss, 1981; Barron, Staten, 2000; Pagano, Japelli, 1993; Vercaemmen, 1995*).

Либерализация мирового финансового пространства, расширяющая границы влияния финансового сектора на реальные экономические процессы, в том числе и в среде домохозяйств, стимулировала особый исследовательский интерес к развитию финансовых пространств национальных хозяйств и глобальной экономики. В 2001 году на мировой научной арене впервые появляются данные о развитии финансовых систем более 100 стран, подготовленные специалистами Всемирного банка (*Demirguc-Kunt, Levine, Beck, 2001*). В этом документе прямо не указывалось на необходимость активизации финансовой интеграции большего числа рыночных субъектов, но доказывалось, что более высокое экономическое развитие идёт рядом с активным финансовым развитием стран.

Через 7 лет, в 2008 году, Всемирный банк окончательно определил, что доступ к финансовым инструментам открывает больше возможностей для сглаживания потребления и инвестиций в физический и человеческий капитал, тем самым улучшая экономическое благосостояние, уменьшая неравенство доходов и способствуя экономическому росту (*Світовий банк, 2008*). По этому поводу было опубликовано большое количество работ, в которых финансовая инклюзия была представлена и как механизм обеспечения высокого уровня благосостояния населения (*Dupas, Robinson, 2011; Dupas, Robinson, 2013*), и как свидетельство высокого уровня экономического развития стран (*Sarma, Pais, 2011*). Особенно интересными были работы, доказывающие положительное влияние финансовой инклюзии в странах Африки к югу от Сахары (*Honohan, King, 2012*). Таким образом, был сформирован глобальный позитивный взгляд на процессы финансовой инклюзии.

В 2012 году исследователи Всемирного банка выпускают первые разветвлённые, структурированные, систематизированные данные о финансовой инклюзии (*Demirguc-Kunt, Klapper, 2012*). В этой работе главное исследовательское внимание было уделено характеристике уровня финансовой инклюзии в определённых странах, выявлению факторов, ей препятствующих, обоснованию путей её повышения и влияния государственной политики на эти процессы. Важную роль в исследовании путей активизации финансовой инклюзии сыграли работы Т.Бека, Э.Демиргук-Кант и др. (*Beck, Demirgüç-Kunt, Peria, 2007*), которые анализировали влияние институциональной среды на уровень финансовой интегрированности, Хонохана, показавшего, как распространение мобильной связи активизирует финансовую инклюзии (*Honohan, 2008*), Аллена и др., продемонстрировавших, каким образом уменьшение формальных процедур и стоимости открытия счёта положительно влияет на рост количества финансово интегрированных субъектов (*Allen, Demirgüç-Kunt, Klapper, Peria, 2012*). М.Ампудиа и М.Эрман охарактеризовали финансовую инклюзии сквозь призму накопления и долгосрочного благосостояния, при этом у них она связывается с доступом домашних хозяйств к финансовым услугам для выравнивания потребления в пространстве-времени путём накопления (курсив мой. – К.В.) и получения кредитов (*Ampudia, Ehrmann, 2017*). Важным моментом в эволюции подходов к финансовой инклюзии стало её провозглашение ключевым фактором, способствующим уменьшению бедности и процветанию, создающим финансовую основу для достижения целей устойчивого развития (*Світовий банк, 2020*).

Такое активное продвижение финансовой инклюзии на мировой финансовой ниве настораживает, особенно прямая, очень прозрачно представленная заинтересованность мировых финансовых институтов (Всемирного банка, МВФ) и единодушие передовой научной общест-венности относительно позитивных результатов активизации включе-ния новых субъектов в систему банковского и иного финансового об-служивания.

Второй интересующий момент – это обоснование финансовой инклюзии как одного из важнейших путей борьбы с бедностью и неравенством, который провозглашается Всемирным банком и Международным валютным фондом, в частности, считается, что достижению этой краеугольной цели должно способствовать кредитование. Возникает вопрос, с какой целью мировые финансовые институты, признавшие катализатором мирового финансового кризиса 2007–2008 гг. ипотечный кризис в США, вызванный рискованной кредитованием малообеспеченных семей и последующей секьюритизацией активов, предлагают как путь устойчивого развития путь всесторонней финансовой инклюзии бедного населения, включая кредитную составляющую? Ведь очевидно, что развитие финансовой инклюзии и кредита среди малообеспеченных участников экономического процесса означает не-принятие в расчёт классических рыночных принципов кредитования: платности, возвратности и оценки рисков, а также непризнание главной целью кредитования возврат финансовых средств и получение процента по кредиту. Возможно, финансовая инклюзия направлена на реализацию других отношений? А если классические принципы рыночного кредитования не принимаются во внимание, то может ли это

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2020. № 4

означать нивелирование рыночных основ общества, в котором предоставляются такие кредиты?

Для того чтобы разобраться в истинной экономической и институциональной сущности финансовой инклюзии, следует осознать: финансовая инклюзия как экономическое явление возникла не сегодня, она прошла длительный исторический эволюционный путь от первых финансовых операций до сегодняшней актуализации в процессе перехода к информационно-сетевому обществу, в котором она – не только механизм доступа к финансовой услуге, но механизм институциональных изменений, а также нивелирования институциональных основ.

В современном научном дискурсе финансовая инклюзия представлена в прикладной, абстрактно-актуальной форме, касающейся взаимодействия клиента и финансового учреждения по поводу эффективного получения финансовой услуги. В то же время сочетание функциональной и логико-исторической методологии исследования (Гриценко, 2002) даёт возможность проанализировать финансовую инклюзию как исторический феномен, развивающийся от первых операций кредитования, расчётных операций и представляет собой механизм предоставления / получения ликвидности для обеспечения операционной активности рыночных субъектов, обусловленной их экономическими интересами. Финансовая инклюзия развивается как механизм предоставления конкретной услуги, но в то же время это механизм включения клиентов в систему финансовых операций, в систему комплементарного взаимодействия реального сектора экономики и финансового, служащую базисом развития конкретно-исторической доминантной сферы, которая, удовлетворяя экономические интересы рыночных субъектов, стимулирует экономическое развитие общества.

На каждом историческом этапе можно выявить ареал максимального воздействия и максимального эффекта от комплементарного взаимодействия финансового сектора и реального, следовательно, финансовое привлечение всегда получает конкретно-историческую задачу, которая формируется в связи с общими тенденциями, целями экономического развития: в докапиталистическую эпоху – это развитие сферы торговли, в капиталистическую эпоху – производства. В современную переходную эпоху капиталистической трансформации и становления информационно-сетевой экономики – это обеспечение сбыта продукции глобальных корпораций.

В предыдущих работах последний тезис был подробно обоснован (Корнивська, 2019; 2018), в этой статье приведём лишь базовые подходы нашего анализа. Результатом процесса капиталистической трансформации и информационной революции стало формирование гибких глобальных сетей производства и реализации, характеризующихся быстрым обновлением ассортимента и качества продукции. Новейшие технологии как залог конкурентной победы сделали обновление ассортимента и повышение качества продукции единственно возможным путём развития глобальных корпораций. При этом цикл производства значительно сократился, объёмы продукции к реализации постоянно росли, в этих условиях возникла необходимость в специфической системе реализации продукции, которой стала сеть, с её основной целью – *создание спроса*. Капиталистическая экономика

постоянно наталкивается на проблему реализации произведённой продукции, ведь спрос на неё находится вне желания и воли капиталиста. Отсюда и кризисы перепроизводства, которыми изобиловала капиталистическая экономика на ранних стадиях развития.

В условиях информационно-сетевой экономики фундаментальная проблема спроса может быть решена через стимулирование искусственных потребительских потребностей в сетевой системе реализации продукции, отвечающей за активизацию продажи растущих товарных линеек глобальных корпораций. При этом механизмы создания спроса становятся всё более нерыночными и асимметричными. И здесь возникает базовое противоречие: развитие информационно-сетевой экономики с самого начала проходило на фоне роста проблемы бедности и неравенства в мире. В условиях роста неравенства и нерешённых проблем нищеты монетизированный путём заработанных доходов спрос не соответствует растущим объёмам предложения. Монетизация спроса происходит двумя способами: путем роста доходов (заработных плат) или путем роста кредитной составляющей потребления. В современных условиях монетизация спроса всё больше зависит от потребительского кредита. При этом рост финансовой интегрированности домохозяйств – это механизм нейтрализации кризиса перепроизводства глобальных корпораций. *Если в капиталистической экономике кредит доминантно необходим для организации процессов производства, то в условиях становления информационно-сетевой экономики растёт его роль по обеспечению реализации продукции.*

Именно эти процессы обуславливают особенности современного этапа развития финансовой инклюзии, которая в условиях цифровой революции получает новейшие технологии обеспечения мобильного доступа к финансовой услуге "здесь и сейчас", что делает цифровую финансовую инклюзии неотъемлемой составляющей экономической, финансовой, общественной, а главное – потребительской активности рыночного субъекта, который может в любой момент без доступа к банковскому учреждению, платёжному терминалу осуществить платёж, сделать покупку, а при недостаточности средств – получить кредит, перевести деньги с помощью мобильного телефона или персонального компьютера. На первый взгляд, обеспечивается свободное в пространстве и времени управление финансовыми потоками. Но это не так. Попробуем в этом разобраться.

Актуальные факторы активизации финансовой инклюзии

Имея глубинную эволюционную почву, на современном этапе развития финансовая инклюзия стимулируется рядом актуальных факторов. Во-первых, это рост конкуренции в среде финансовых учреждений путём активизации цифрового перехода, что стимулирует банковские учреждения к привлечению большего числа клиентов для обеспечения конкурентных преимуществ. Предоставление цифровых финансовых услуг развивается по различным моделям взаимодействия между действующими финансовыми учреждениями и новаторами. Финтех-компании, которые являются источником инноваций, часто конкурируют с банками и другими финансовыми учреждениями, а последние реагируют, инвестируя значительные средства в цифровые технологии. Покрывать растущие расходы цифрового перехода воз-

можно лишь при условии роста доходов, что требует расширения клиентской базы.

Во-вторых, это профицит ликвидности в глобальном финансовом пространстве как результат контркризисной политики центральных банков, которая стала тенденцией в условиях учащения кризисных явлений в мировой и национальных экономиках за последние полвека. Эти процессы привели к постепенному снижению процентных ставок (даже к укоренению сверхнизких и отрицательных в европейской системе финансово-институциональных координат), что обусловило необходимость реформирования банковских бизнес-моделей с ориентацией на комиссионные доходы и транзакционные операции, которые нуждаются в росте финансового привлечения клиентов.

В-третьих, условия цифрового общества предоставляют возможности профессиональной реализации в Интернет-среде, экосистемах цифровых торговых платформ всё большему количеству заинтересованных лиц; для обеспечения этих процессов необходима финансовая инклюзия, которая начинается с открытия банковского счёта. Сегодня трудоустройство населения (а чаще – женщин) более бедных стран в среде глобальных торговых площадок становится едва ли не единственной возможностью борьбы с безработицей в этих странах и начинается именно с финансовой инклюзии (*Sahay, Allmen et al., 2020*).

В-четвёртых, финансовая инклюзия во многих развивающихся странах, необходима для обеспечения эффективной политики социальных трансфертов. Так, в Индии для получения финансовой помощи от государства, в которой нуждается практически четверть индийского населения (см. рис), необходимо быть финансово инклюзированным и быть включённым в систему биометрической идентификации, причём сначала эти процессы проходили на добровольной основе, сегодня – под жёстким государственным контролем².

В-пятых, финансовая инклюзия – это не только результат агрессивной политики банковских учреждений относительно роста предложения финансовых услуг, это закономерная тенденция изменения клиентского спроса путём трансформации финансовой культуры и финансового поведения населения, готового к активному сотрудничеству с финансовым учреждением для обеспечения эффективной потребительской операционной активности. Причём, и этот факт имеет краеугольное значение, "цифровая финансовая инклюзия эволюционирует от "тратить" до "занимать" и, как правило, заполняет пробел в предоставлении финансовых услуг в тех странах, где они не распространены" (*Sahay, Allmen et al., 2020*). Преимущественно это бедные страны Африки, где условия неудовлетворённого базового спроса стимулируют потребительскую активность, которая из-за низкого уровня доходов увеличивает кредитную активность населения, что актуализирует ряд социогуманитарных рисков, в частности, риск фор-

² Верховный суд Индии подтвердил обязательность биометрической идентификации для открытия банковского счёта. URL: <http://d-russia.ru/verhovnyj-sud-indii-podverdil-obyazatelnost-biometricheskoj-identifikatsii-dlya-otkrytiya-bankovskogo-schyota.html>

мирования финансово-ориентированных моделей поведения из-за низкого уровня человеческого развития и образования.

Указанные факторы в полной мере проявили себя в современных условиях локдауна из-за эпидемии COVID-19 и показали, что финансовая инклюзия исключительно необходима для обеспечения экономических и общественных связей в условиях социогуманитарного и экономического кризиса закрытости экономики, общества, ограничения социальной и экономической активности. В кризисных условиях без цифровой финансовой инклюзии не обойтись, но, подчеркнём, только в кризисных условиях.

Последний доклад МВФ свидетельствует, что цифровое финансовое включение может сыграть важную роль в смягчении экономического и социального влияния текущего кризиса COVID-19; расширение финансового доступа домохозяйств с низким уровнем дохода и малого бизнеса может способствовать более инклюзивному восстановлению; цифровые финансовые услуги быстрее, эффективнее и, как правило, дешевле традиционных финансовых услуг, а следовательно, больше охватывают домохозяйства с низкими доходами, а также малые и средние предприятия (МСП); во время кризиса здравоохранения цифровые финансовые услуги могут и позволяют осуществлять бесконтактные и безналичные операции; цифровая финансовая инклюзия способствует эффективному и быстрому применению мер государственной поддержки, в том числе среди людей и фирм, пострадавших от пандемии; считается также, что цифровые финансы положительно влияют на ВВП (*Sahay, Allmen et al., 2020*).

Если собрать всю указанную аргументацию специалистов МВФ, то очевидно, что финансовая инклюзия – это прежде всего путь финансовой активности малообеспеченных домохозяйств и фирм, зависящих как от государственного трансфертного финансирования, так и (как предполагается финансовой инклюзией) от финансового учреждения. Это механизм формирования финансово зависимого, подконтрольного в своей экономической активности государству и финансовому учреждению, рыночного субъекта, который, теряя финансовую свободу, постепенно теряет свою субъектность, свободу в принятии собственных экономических решений. Открытие счёта в банковском учреждении означает наличие полного спектра информации о финансовом поведении клиента, получаемой финансовым учреждением путём анализа движения средств клиента, при этом финансовое поведение может быть сориентированным в нужном направлении.

Более того, в условиях активизации деятельности торговых платформ в совокупности с платёжными системами, которые их обслуживают, собирать, систематизировать и анализировать потребительские и финансовые модели поведения с помощью технологий Big data становится всё проще. При этом происходит так называемая бесшовная интеграция торгового и финансового оператора в операционную активность и повседневную жизнь субъекта, что упрощает дальнейшее формирование искусственного потребительского спроса клиентов и соответствующие финансовые стратегии финансовых операторов. О такой бесшовной интеграции представители цифрового банкинга говорят как о важном достижении удобства и эффективности современных финансовых услуг. В реальности это означает открытие

частных финансовых операций, экономических целей, социальных мотиваций, культурных и этнических особенностей широкой общественности: от торговых платформ до финансового сообщества. Личная жизнь и экономическая свобода становятся экономической историей.

При внедрении финансовой инклюзии провозглашается и укореняется инвариантность взаимодействия с финансовым учреждением и государством в процессе экономической активности, при этом обосновывается важность формирования единой финансово-информационной системы между государством и финансовыми учреждениями, которая систематизировала бы и контролировала все финансовые потоки и информацию о них. Уже упоминавшийся отчёт МВФ чётко и прозрачно отмечает: "Во время кризиса COVID-19 доступ к государственным электронным системам, которые хорошо интегрированы с платформами цифровых финансовых услуг, такими как финтех-компании, цифровой банкинг, оказывается критически важным в обеспечении широкомасштабной поддержки моментально и без физического контакта; если они не легкодоступны или недостаточно интегрированы, фискальная поддержка – какой бы масштабной она ни была – не сможет прийти к наиболее уязвимым и нуждающимся. Таким образом, государственная финансовая поддержка должна осуществляться параллельно с инвестициями в цифровую инфраструктуру, а главное – способствовать цифровой и финансовой грамотности для обеспечения большей цифровой включённости" (Sahay, Allmen et al., 2020). Следует сказать, что в странах, которые находятся в авангарде финансовой инклюзии, такие единые финансово-информационные системы между государством и финансовыми учреждениями активно формируются путём внедрения действенной идентификации населения (система социального кредита в Китае и система распознавания лиц как её составляющая; в Индии – универсальное цифровое удостоверение личности Aadhaar, которое получили более 1,2 миллиарда жителей) и реализации государственного социального страхования через банковские учреждения (35% взрослых в странах с низким уровнем дохода, которые получают государственные дотации, открыли для этого свой первый банковский счёт).

Такая замкнутая, прозрачная система циркуляции ликвидности предполагает доминирование безналичной экономики, которая сегодня активно формируется, открывая значительные дисбалансы в мировой экономике (Корнивська, 2018). Однако для глобальной финансовой инклюзии, за которую ратует Всемирный банк, экономика без наличных – это единственно возможный вариант обращения ликвидности, который клиенту предлагает бесспорное удобство перевода финансовых средств и финансовых активов путём обеспечения мобильного доступа к финансовой услуге "здесь и сейчас", а государству и финансовым учреждениям – полную прозрачность и открытость финансовой, экономической и социальной активности субъекта. На этом пути различные страны достигли разного успеха. Так, в Украине с 2015 по 2019 год доля наличных по отношению к ВВП уменьшилась с 17,8 до 9,7% (по состоянию на начало 2020 года)³. Но возникает во-

³ За 5 лет объем наличных денег в экономике сократился вдвое / Нацбанк. URL: <https://minfin.com.ua/2020/05/08/44946157/>

прос, насколько все эти цифровые системы обращения активов, средств платежа могут быть защищены от обрушения или простых сбоев? В начале октября 2020 года один за другим в прессе стали появляться оповещения об остановке работы глобальных средств связи, например мессенджеров, электронной почты⁴, сайтов социальных сетей и интернет-сервисов (Некрасов, 2020), программного обеспечения бирж. 1 октября 2020 года Токийская фондовая биржа (TSE) была вынуждена полностью остановить торговлю ценными бумагами⁵. Следовательно, всё чаще проявляются риски технологической инвариантности безналичного обращения. Но не они составляют наибольшую угрозу.

Институциональные риски глобальной финансовой инклюзии

Главный долгосрочный институциональный риск глобальной финансовой инклюзии и безналичного обращения – согласие на потерю финансовой свободы со стороны рыночных субъектов в условиях роста неопределённости экономического и общественного бытия и проблем бедности. Падение доходов, политическая, экономическая, эпидемиологическая неопределённости всё чаще порождают у субъектов нивелирование веры в свои собственные экономические возможности и укореняют надежду на внешнюю помощь: государства, банка, – которая становится постоянно воспроизводимым элементом экономического бытия без наличия альтернатив – возможности благодаря своим собственным доходам обеспечить социальную устойчивость и социальную мобильность.

В условиях рецессии, вызванной эпидемией COVID-19, из-за потери рабочих мест, неполучения денежных доходов, роста цен и перебоев в услугах, таких как образование и здравоохранение, уровень бедности будет расти. По оценкам Всемирного банка, в 2020 году от крайней бедности (менее 1,90 долл. в день) в 2020 году будет страдать дополнительно от 40 до 60 млн человек. Глобальный уровень крайней бедности может вырасти на 0,3–0,7%. Кроме того, процент людей, живущих менее чем на 3,20 долларов США в день, может вырасти на 0,3–1,7%, до 23% или выше (Світовий банк, *Poverty*, 2020). Именно эти слои населения будут нуждаться в государственном трансфертном финансировании, которое в современных условиях невозможно без финансовой инклюзии. И именно среди малоимущих домохозяйств сегодня продолжают развиваться микрокредитование, которое, как показывает опыт Индии, может завершиться не только экономическим крахом, а жизненной катастрофой. Активизация кредитования бедных в середине 1970-х годов (микрофинансирование в Андхра-Прадеш) привела к многочисленным самоубийствам и политическому кризису в пятом по величине штате Индии (Hamam, Schwank, 2011). Доходы в бедных домохозяйствах, как правило, не только низкие, но и нерегулярные, следовательно, полученные кредиты стали

⁴ В работе электронной почты Gmail произошёл глобальный сбой. URL: <https://regnum.ru/news/society/2561923.html>

⁵ Токийська біржа зупинилася через найбільший апаратний збій у трейдинговій системі. URL: <https://mind.ua/news/20216546-tokijjska-birzha-zupinilasya-cherez-najbilshij-aparatnij-zbij-u-trejdingovij-sistemi>

непосильным грузом, отсутствие возможности их вернуть толкало людей на самоубийства. А начиналось всё как новейшая альтернативная, социально направленная инициатива: Банк Грамин, основанный Махамедом Юнусом в 1976 году, занимал небольшие суммы без залога крестьянам, организованным в добровольные группы. Важнейшим нововведением, которое позволило преодолеть отсутствие залога и быстро увеличивать количество займов, было условие совместной ответственности. Члены таких групп обязались поддерживать любого участника, который пытается вернуть ссуду, чтобы избежать потери всеми заёмщиками доступа к будущим займам банка. Схема построена на тесных социальных связях в общинах. Такая система стимулировала участников тщательно выбирать новых членов группы, а также контролировать и поддерживать друг друга, принимая во внимание давление со стороны других участников, чтобы обеспечить своевременный возврат ссуды. Несмотря на негативный экономический, социальный и политический резонанс, идея Юнуса распространилась по всему миру и охватила гораздо больший спектр финансовых услуг для бедных. Микрофинансирование – а не только микрокредитование – включает сбережения и даже страховые услуги для бедных домохозяйств. На конец 2007 года услугами микрокредитных учреждений пользовались более 150 млн клиентов во всём мире. Более 100 млн из них были одними из самых бедных в своём обществе, подавляющее большинство клиентов находится в Азии, однако развивается африканский континент, в основном благодаря мобильному банкингу. На конец 2008 года микрофинансовые учреждения в Африке к югу от Сахары сообщали об охвате 16,5 млн вкладчиков и 6,5 млн заёмщиков. *Однако исследования показали, что измерить фактическое влияние микрофинансирования на бедность практически невозможно. Более того, существует мнение, что "через 30 лет движения микрофинансирования мы имеем мало веских доказательств того, что это улучшает жизнь клиентов измеряемыми способами" (Namat, Schwank, 2011). Несомненной проблемой остаётся проблема перезадолженности, невозврат кредитов и банкротства.*

Финансовая инклюзия активно развивается, и уже сегодня взят курс на создание общих государственно-финансовых систем, организующих и контролирующих финансовые потоки в национальных финансовых пространствах. В этих условиях ожидается значительное усиление надзора и комплаенса (как на национальном, так и наднациональном уровнях) и активизация внедрения финансовой грамотности для всего, даже малолетнего, населения для формирования финансовой толерантности и непротивления финансовой несвободе. Соглашаясь сегодня на потерю финансовой свободы, малоимущие рыночные субъекты будут надеяться получить долгосрочные преференции в виде поддержки их финансовой активности со стороны государства и финансовых учреждений.

Даже среди представителей среднего класса вопросы об адекватности действий финансовых посредников относительно финансовой свободы клиентов возникают всё реже. Продолжается рутинизация взаимодействия рыночного субъекта с банковским учреждением, повсеместно формируется климат содействия интеграции финансового оператора в повседневную жизнь населения Так, Феллоус и Мабан-

та (Fellowes and Mabanta)⁶, обосновывая выгоду банковского обслуживания, приводят такой аргумент: субъекты, не имеющие банковского счёта, дополнительно в течение жизни платят за финансовые услуги примерно 40 тыс. долл. (например, за снятие наличных по чеку). Вполне справедливым вопросом в этом контексте является следующий: а насколько уменьшаются затраты субъектов, если они не обращаются за финансовыми услугами, а используют свои собственные доходы для обеспечения своих потребительских и других нужд без открытия банковского счёта? Так, в Украине за снятие наличных в среднем нужно заплатить 1% от суммы, следовательно, в течение своей активной финансовой жизни (от 25 до 85 лет) только за этот вид услуг средний украинец может платить до 60 тыс. грн. За перечисление денег с карты на карту, скажем, Ощадбанк устанавливает комиссию в размере 1,25%, и речь идёт о зарплатной карточке. Следовательно, для того, чтобы использовать заработанные финансовые средства по назначению, рыночный субъект должен уплатить банку комиссию. Безусловно, причины такого оппортунистического положения в финансовом мире понятны, и мы о них говорили – рост конкуренции, переориентация на новые бизнес-модели с преимуществом комиссионных операций. Но почему банковские учреждения решают свои собственные проблемы за счёт клиентов, доказывая инвариантность такого финансового климата и обосновывая финансовую инклюзию как панацею в контексте устойчивого развития, решения проблем бедности и неравенства?

Были ли в финансовой истории прецеденты, когда благодаря финансовой инклюзии решались эти проблемы? Да, но только в благоприятной экономико-институциональной среде, например, когда страна находится на восходящей фазе цикла, и всё свидетельствует об активизации экономического роста.

Проведённые в конце 90-х исследования Апортелы по финансовой инклюзии в Мексике показали положительное влияние распространения депозитных финансовых учреждений, ориентированных на людей с низким уровнем дохода, что способствовало повышению уровня сбережений беднейших домохозяйств (*Aportela*, 1999). Другой пример: в условиях поствоенного рыночного развития во второй половине XX века в странах западного образца с высоким уровнем экономической свободы как финансовых учреждений, так и их клиентов, активизация банковской активности способствовала социальной устойчивости и социальной мобильности населения, а также экономическому развитию. *Но ключевым фактором в этом контексте были именно условия рыночной экономики и синергия поствоенных лет.*

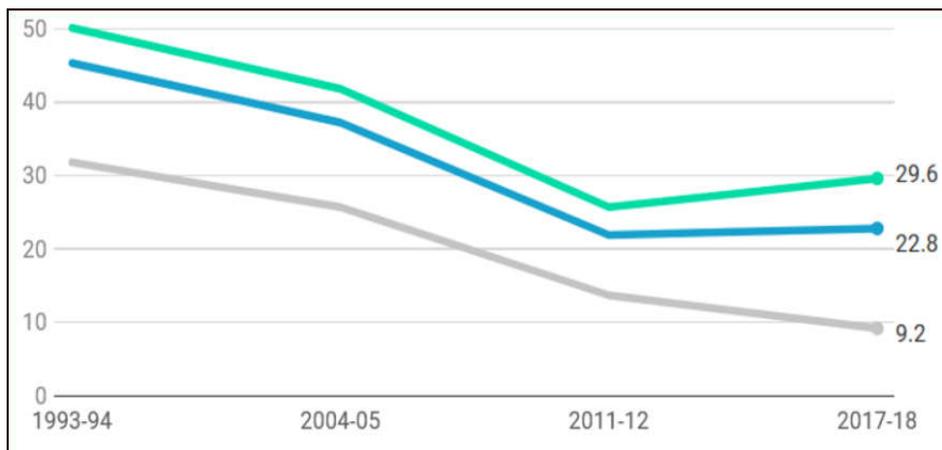
В условиях современного транскризисного транзитивного состояния финансовая инклюзия становится путём финансовой поддержки потребления бедных слоёв населения, чётко контролируемым государством и финансовыми учреждениями, с чётко определенной первоначальной задачей реализации экономических интересов гло-

⁶ Ampudia M., Ehrmann M. (January 2017). Financial inclusion: what's it worth? *ECB Working Paper Series*. No 1990. P. 3. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1990.en.pdf?5e7b5e1b5626cb09e5896d0191d830af>

бальных финансовых игроков и ТНК. Решение проблемы потребления (как составляющей социальной устойчивости) на определённом относительно приемлемом уровне, что сдерживает социальную неудовлетворённость и рост социальной активности, – эту часть операционной активности населения финансовая инклюзия может обеспечить, но не более.

В этом контексте следует принимать во внимание, что в Индии во времена активного внедрения финансовой инклюзии доля бедного населения начала расти. Общий уровень бедности начиная с 2011–2012 годов растёт и в 2017–2018 годах составлял 22,8%, не говоря уже о сельском населении, уровень бедности которого, повышаясь с 2011–2012 годов, достиг показателя 29,5% (рисунок). Хотя справедливости ради не следует упускать из виду, что уровень бедности городского населения уменьшается и в 2017–2018 годах составлял 9,2% населения.

О решении проблемы социальной мобильности в условиях общества потребления не может быть никакой речи, она будет расти и приобретать новые формы. Предыдущие исследования показали, что социальное развитие напрямую зависит от доходов и расходов населения, которые в условиях активизации финансовой инклюзии и цифрового банкинга становятся контролируруемыми финансовыми учреждениями. Последние будут направлять свою маркетинговую деятельность на формирование и удовлетворение краткосрочных потребительских потребностей клиента. Поэтому долгосрочное инвестирование как основа социальной мобильности населения может значительно пострадать, усугубляя проблемы социального неравенства (Корнивська, 2017). А нейтрализовать их будут существенными сдвигами в системе первичных ценностей, которые можно внедрять опять же путём финансовой инклюзии.

**Рисунок. Уровень бедности в Индии
(совокупный, городское и сельское население)**

Источник: Insights into Editorial: Ways to measure poverty in India — and why the numbers matter. <https://www.insightsonindia.com/2020/02/28/insights-into-editorial-ways-to-measure-poverty-in-india-and-why-the-numbers-matter/>

Проблему социального неравенства будут решать путём финансового выравнивания, добавления финансовых мотивов в традиционные базовые институциональные полифонии, предоставления финансовых возможностей тем, кто до сих пор был в традиционной финансовой зависимости.

Уже сегодня понятно, что финансовая инклюзия направлена на преодоление традиционных внутрисемейных иерархических зависимостей (в частности, жены – от мужа, детей – от родителей) с целью индивидуализации потребительского процесса, что означает принятие собственных потребительских решений, несмотря на свой статус и родственные интересы. Практически это выглядит, как получение банковской карты несовершеннолетними детьми. Организация банковской практики во многих странах мира предусматривает, что получить платёжную карту можно, начиная с 6 лет. В Украине эта практика также активно развивается, считается, что таким образом малолетний ребёнок "получит желание развиваться и изучать мир финансов"⁷. И никто не задумывается над тем, что это противоречит всем нормам психологии и педагогики, ведь сфера финансов не может быть *зоной ближайшего развития (Л. Выготский)* для шестилетнего ребенка, который не имеет опыта самостоятельного существования и зарабатывания. Эти процессы приведут к инверсионному формированию личности, когда тратить самостоятельно ребенок научится раньше, чем зарабатывать самостоятельно, самостоятельно учиться, создавать семью, для благополучия которой нужно зарабатывать, а только потом тратить. "Тратить" может вытеснить желание "зарабатывать", и это вполне возможно, ведь, как мы показали выше, сегодня формировать финансово-ориентированные паттерны поведения достаточно просто: в финансовом поведении взрослого населения активно формируется переход от "тратить" к "занимать".

Финансово-ориентированные модели поведения сегодня укореняются ещё и потому, что переформатируется традиционный базис развития личности – семья и ключевая роль матери как информационного, опытного, формирующего источника. Мировые финансовые организации всё больше усилий прилагают для обеспечения управляющей, контролирующей финансовой роли женщин в социуме⁸, нивелируя их традиционное общественное назначение⁹. Это тема для отдельной работы, сейчас только скажем, что традиционные иерархии и статусы нивелируются, на их место приходят новые связи, присущие новой экономике. В этом катастрофический риск деградации и уничтожения эволюционно способной системы построения общества и экономики, основанной на иерархическом богатстве обменов; её пытаются сегодня заменить плоским видением мира как прозрачной системы экономического и общественного взаимодействия, основан-

⁷ Дополнительная карта для ребенка. URL: <https://bank.com.ua/ru/dityachakartka-coolcard>

⁸ Годовой отчёт IFC 2019. URL: <https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/78c93edc-0871-4fa5-91d2-bbb9bf670cda/IFC-AR19-Full-Report-Russian.pdf?MOD=AJPERES&CVID=m-GBCA>

⁹ Women in Financial Services. 2020. URL: <https://www.oliverwyman.com/our-expertise/hubs/gender-diversity-in-financial-services.html>

ного на безналичном контролируемом движении ликвидности. В этом контексте следует обратиться к работам Фернана Броделя, который считал, что существует устоявшаяся экономико-социальная структура, базирующаяся на иерархии реализации экономических интересов и состоящая из трёх слоёв:

- материальная цивилизация, представленная "базовой" деятельностью, - это экономика самодостаточности, обмена продуктов и услуг в очень небольшом радиусе, это то, что мы называем натуральным хозяйством;

- рыночная экономика – это экономика свободной конкуренции и реализации экономических интересов большинства рыночных субъектов;

- экономика реализации интересов крупных капиталистов мирового уровня деятельности и влияния.

Материальная цивилизация – это основа экономики и общества, институционально-ценностный источник; рыночная экономика в процессе экономической деятельности предоставляет возможности для реализации экономических интересов для большинства участников экономического процесса; на последнем, самом верхнем слое – мировая экономика как система реализации экономических интересов глобальных игроков. Бродель считал, что эта структура сохраняется и воспроизводится и в XVI веке, и в XX, это тот каркас, в рамках которого происходит эволюция экономики и общества. Например, о материальной цивилизации 1970-х годов он писал так: "Разве она не даёт как минимум от 30 до 40% национального продукта" (Бродель, 1988).

В современных условиях продолжается массированная атака на материальную цивилизацию и рыночную экономику, а таким образом разрушается классическая эволюционно способная иерархическая экономико-институциональная структура. Материальная цивилизация страдает из-за уничтожения европейского династийного бизнеса в странах Средиземноморья, ограничения на ведение личного хозяйства. Господство ювенильного права значительно подточило традиционные основы морали и ценностей во многих странах, особенно скандинавских. Примеров много, так же как существует множество механизмов расшатывания основ рыночной экономики, в финансовой сфере – это ограничение финансовой свободы, одним из её путей, как мы показали, является путь тотальной финансовой инклюзии.

Из броделевской структуры устоявшимся сегодня остаётся один слой, последний, призванный для реализации экономических интересов глобальных игроков¹⁰, деятельность которых усиливает мировую экономическую, политическую, финансовую неопределённость, делая цифровую финансовую инклюзию неизбежным путём выживания для многих экономических субъектов, особенно в условиях современного эпидемиологического шока.

В условиях старой, классической, традиционной нормальности общества работающих институтов, стабильных социальных и экономических связей финансовая инклюзия была лишь одним из механизмов

¹⁰ За 11 месяцев 2020 года финансовое благополучие Джеффа Безоса (владельца глобальной торговой площадки Amazon) выросло на 48%, по состоянию на начало ноября 2020 года оно составило более 190 млрд долл. США.

финансовой операционной активности. Для современного общества господствующей неопределённости, продолжающейся кризисной бифуркации, институционального нивелирования – это инвариант.

Выводы

Финансовая инклюзия – это логико-исторический феномен, отражающий присущие каждой исторической эпохе механизмы включения рыночных субъектов в мир финансовых операций как систему комплементарного взаимодействия реального сектора экономики и финансового, представляющий собой базис развития конкретно-исторической доминантной сферы, которая, создавая условия для удовлетворения экономических интересов рыночных субъектов, одновременно стимулирует экономическое развитие общества.

На каждом историческом этапе от финансовой инклюзии выигрывает определённая экономическая сфера, которая создаёт условия для наиболее эффективного удовлетворения экономических интересов большинства рыночных субъектов: в докапиталистическую эпоху – это развитие сферы торговли, в капиталистическую эпоху – производства. В современную переходную эпоху становления информационно-сетевой экономики – это обеспечение сбыта продукции глобальных корпораций. Финансовая инклюзия служит не интересам большинства, но чётко ограниченному кругу представителей глобальной экономики и финансовой элиты. Для обеспечения удовлетворения их интересов создаются условия инвариантности финансовой инклюзии для рядовых экономических агентов: внедрение безналичной экономики, трансфертное государственное финансирование только путём финансовой инклюзии, мобильный банкинг и микрофинансирование для бедных слоёв населения в условиях роста проблем бедности.

При растущем глобальном обнищании населения финансовая инклюзия становится путём финансовой поддержки потребления бедных слоёв населения, чётко контролируемым государством и финансовыми учреждениями. Для среднего класса – это механизм ограничения социальной активности и тотального внедрения финансовой зависимости. Для рыночной экономики в целом – это механизм институционального нивелирования, социальных и общественных деформаций. В то же время – это путь развития нового общества, далёкого от принципов демократии и экономической свободы.

Литература

1. Бродель Ф. (1988). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. Москва: Прогресс. С. 35.
2. Гриценко А. (2002). Через відчуження до свободи (до 135-річчя виходу у світ I тому “Капіталу” К.Маркса). *Економіка і прогнозування*. № 1. С. 85.
3. Корнівська В. (2017). Цифровий банкінг: ризики фінансової дигіталізації. *Проблеми економіки*. № 3. С. 254–261.
4. Корнівська В.О. (2018). Інститути фінансового посередництва в процесі формування інформаційно-мережевої економіки / Інститут економіки та прогнозування НАН України. Київ. 436 с.
5. Корнівська В.О. (2019). Трансформації інститутів фінансового посередництва в умовах становлення інформаційно-мережевої економіки: дис.... доктора економічних наук / Інститут економіки та прогнозування НАН України. Київ. URL:

http://ief.org.ua/wpcontent/uploads/2016/04/%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%B5%D1%80_%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%96%D0%B2%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0.pdf

6. Некрасов В. (2020). Глобальный сбой: почему "падают" сайты соцсетей и интернет-сервисов, и как это сказывается на пользователях. *Економічна правда*. URL: <https://www.epravda.com.ua/rus/publications/2020/10/23/666546/>

7. Офіційний сайт Світового банку. Poverty. 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/overview>

8. Allen, F., A. Demirgüç-Kunt et al., L. Klapper and M.S. Martinez Peria. (2012). The Foundations of Financial Inclusion: Understanding Ownership and Use of Formal Accounts. 2012. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 6290

9. Ampudia M., Ehrmann M. (January 2017). Financial inclusion: what's it worth? *ECB Working Paper Series*, 1990. P. 3. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1990.en.pdf?5e7b5e1b5626cb09e5896d0191d830af>

10. Aportela, F. (1999). Effects of Financial Access on Savings by Low-Income People. Mimeo, *Banco de México*.

11. Barajas, A., Beck T. et al. Mohamed Belhaj, and Sami Ben Naceur. (2020.). Financial Inclusion: What Have We Learned So Far? What Do We Have to Learn? *IMF Working Papers*. URL:

<https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/08/07/Financial-Inclusion-What-Have-We-Learned-So-Far-What-Do-We-Have-to-Learn-49660/>
<https://doi.org/10.5089/9781513553009.001>

12. Barron, J. M., Staten, M. (May 4, 2000). The Value of Comprehensive Credit Reports: Lessons from the U.S. Experience. May 4, 2000. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.199.3397&rep=rep1&type=pdf>

13. Beck, T., Demirgüç-Kunt A., Demirgüç-Kunt and Martinez Peria M.S. Martinez Peria (2007). Reaching Out: Access to and Use of Banking Services Across Countries. *Journal of Financial Economics*, 85, 234–266. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2006.07.002>

14. Demirguc-Kunt A., Klapper L. (2012) Measuring Financial Inclusion. 2012. The Global Findex Database. URL: www.wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2012/04/19/000158349_20120419083611/Rendered/PDF/WPS6025.pdf

15. Demirguc-Kunt A., Levine R., Beck T. (2001). Financial structure and economic growth: a cross-country comparison of banks, markets, and development. Massachusetts Institute of Technology, 2001. 444 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/3001.001.0001>

16. Demirgüç-Kunt, A., Klapper L. (2013). Measuring Financial Inclusion: Explaining Variation in Use of Financial Services across and within Countries. *Brookings Papers on Economic Activity* Spring. P. 279–340. <https://doi.org/10.1353/eca.2013.0002>

17. Dupas, P., Robinson J. (2011). Why Don't the Poor Save More? Evidence from Health Savings Experiments. *NBER Working Paper*. No. 17255. <https://doi.org/10.3386/w17255>

18. Dupas, P., Robinson, J. (2013). Savings Constraints and Microenterprise Development: Evidence from a Field Experiment in Kenya. *American Economic Journal: Applied Economics* 5(1). P. 163–192. <https://doi.org/10.1257/app.5.1.163>

19. Goldsmith, R. W. (1969). Financial structure and development. New Haven, CT: Yale University Press, 1969.

20. Hamam D. M., Schwank O. (2011). Microfinance: What role in Africa's development? URL: <https://www.un.org/africarenewal/magazine/august-2011/microfinance-what-role-africas-development/> <https://doi.org/10.18356/8463a916-en>

21. Honohan, P. (2008). Cross-Country Variation in Household Access to Financial Services. *Journal of Banking and Finance*, 32: 2493–2500. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2008.05.004>

22. Honohan, P., King M. (2012). Cause and Effect of Financial Access: Cross-Country Evidence from the Fin Scope Surveys in R. Cull, A. Demirgüç-Kunt and J. Murdoch, *Banking the World: Empirical Foundations for Financial Inclusion*. MIT Press.

23. Pagano, M., Japelli, T. (Dec. 1993) Information Sharing in Credit Markets. *Journal of Finance*. P. 1693–1718. URL:

<https://onlinelibrary.wiley.com/>; <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1993.tb05125.x>

24. Sahay, R., Allmen U. E. et al. (2020, 20/09). The Promise of Fintech: Financial Inclusion in the Post COVID-19 Era. International Monetary Fund.

25. Sarma, M., Pais, J. (2011). Financial Inclusion and Development. *Journal of International Development*. 23(5). P. 613–628. <https://doi.org/10.1002/jid.1698>

26. Stiglitz, J. E., and Weiss A. (June 1981). Credit Rationing in Markets with Imperfect Information. *The American Economic Review*. June 1981. Vol. 71, No. 3. P. 393–410. URL:

https://www.researchgate.net/profile/Andrew_Weiss/publication/4733120_Credit_Rationing_in_Markets_With_Imperfect_Information/links/0c960518582a97dfc0000000/Credit-Rationing-in-Markets-With-Imperfect-Information.pdf

27. Vercammen J. A. (1995). Credit Bureau Policy and Sustainable Reputation Effects in Credit Markets. *Economica*. Vol. 62. P. 461–478. URL: <https://ideas.repec.org/a/bla/econom/v62y1995i248p461-78.html>. <https://doi.org/10.2307/2554671>

28. World Bank (2008). Finance for All? Policies and Pitfalls in Expanding Access, Policy Research Report, Washington, D.C: World Bank.

Поступление в редакцию 30.11.2020.

References

1. Brodel, F. (1988). Material civilization, economics and capitalism, XV-XVIII centuries. V. 1. Structures of everyday life. Moscow: Progress [in Ukrainian].

2. Hrytsenko, A. A. (2002). Because of the alienation to freedom (to the 135th anniversary of the publication of the first volume of "Capital" by K. Marx). *Ekonomika i prognozuvannâ – Economy and forecasting*, 1, 85 [in Ukrainian].

3. Kornivska V. (2017). Digital banking: risks of financial digitalization. *Problemy ekonomiky – The problems of economy*, 3, 254-261 [in Ukrainian].

4. Kornivska, V. O. (2018). Institutes of financial intermediation in the process of formation of information and network economy / Institute of Economics and Forecasting of NAS of Ukraine Kiev [in Ukrainian].

5. Kornivska, V. O. (2019). Transformations of institutes of financial intermediation in the conditions of formation of information-network economy: dis. doctor of economic sciences / Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine. Kyiv. Retrieved from

http://ief.org.ua/wpcontent/uploads/2016/04/%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%B5%D1%80_%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%96%D0%B2%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B0.pdf [in Ukrainian].

6. Nekrasov, V. (2020). Global failure: why social networking sites and Internet services are "falling", and how it affects users. *Ekonomichna pravda – Economic truth*. Retrieved from <https://www.epravda.com.ua/rus/publications/2020/10/23/666546/> [in Ukrainian].

7. Official site of the World Bank. Poverty. 2020. Retrieved from <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty/overview> [in Ukrainian].

8. Allen, F., A. Demirgüç-Kunt et al. (2012). The Foundations of Financial Inclusion: Understanding Ownership and Use of Formal Accounts. *World Bank Policy Research Working Paper*, 6290.

9. Ampudia, M., Ehrmann, M. (January 2017) Financial inclusion: what's it worth? *ECB. Working Paper Series*, 1990, 3.

10. Aportela, F. (1999). Effects of Financial Access on Savings by Low-Income People. Mimeo, *Banco de México*.

11. Barajas, A., Beck, T. et al. (2020). Financial Inclusion: What Have We Learned So Far? What Do We Have to Learn? *IMF Working Papers*. Retrieved from <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/08/07/Financial-Inclusion-What-Have-We-Learned-So-Far-What-Do-We-Have-to-Learn-49660>; <https://doi.org/10.5089/9781513553009.001>

12. Barron, J. M., Staten M. (May 4, 2000). The Value of Comprehensive Credit Reports: Lessons from the U.S. Experience. Retrieved from

<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.199.3397&rep=rep1&type=pdf>

13. Beck, T., Demirgüç-Kunt, A., Martinez Peria M.S. (2007). Reaching Out: Access to and Use of Banking Services Across Countries. *Journal of Financial Economics*, 85, 234-266. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2006.07.002>

14. Demirguc-Kunt, A., Klapper, L. (2012) Measuring Financial Inclusion. 2012. The Global Findex Database. Retrieved from www.wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2012/04/19/000158349_20120419083611/Rendered/PDF/WPS6025.pdf

15. Demirguc-Kunt, A., Levine, R., Beck, T. (2001). Financial structure and economic growth: a cross-country comparison of banks, markets, and development. Massachusetts Institute of Technology. <https://doi.org/10.7551/mitpress/3001.001.0001>

16. Demirgüç-Kunt, A., Klapper L. (2013). Measuring Financial Inclusion: Explaining Variation in Use of Financial Services across and within Countries. Brookings Papers on Economic Activity Spring. <https://doi.org/10.1353/eca.2013.0002>

17. Dupas, P., Robinson J. (2011). Why Don't the Poor Save More? Evidence from Health Savings Experiments. *NBER Working Paper*, 17255. <https://doi.org/10.3386/w17255>

18. Dupas, P., Robinson, J. (2013). Savings Constraints and Microenterprise Development: Evidence from a Field Experiment in Kenya. *American Economic Journal: Applied Economics*, 5(1), 163-192. <https://doi.org/10.1257/app.5.1.163>

19. Goldsmith, R. W. (1969). Financial structure and development. New Haven, CT: Yale University Press.

20. Hamam, D. M., Schwank, O. (2011). Microfinance: What role in Africa's development? Retrieved from <https://www.un.org/africarenewal/magazine/august-2011/microfinance-what-role-africas-development>; <https://doi.org/10.18356/8463a916-en>

21. Honohan, P. (2008). Cross-Country Variation in Household Access to Financial Services. *Journal of Banking and Finance*, 32, 2493-2500. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2008.05.004>

22. Honohan, P., King M. (2012). Cause and Effect of Financial Access: Cross-Country Evidence from the Fin Scope Surveys in R. Cull, A. Demirgüç-Kunt and J. Murdoch, *Banking the World: Empirical Foundations for Financial Inclusion*. MIT Press.

23. Pagano, M., Japelli, T. (Dec. 1993) Information Sharing in Credit Markets. *Journal of Finance*, 1693-1718. Retrieved from <https://onlinelibrary.wiley.com/https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1993.tb05125.x>

24. Sahay, A. et al. (2020, 20/09). The Promise of Fintech: Financial Inclusion in the Post COVID-19 Era. International Monetary Fund.

25. Sarma, M., Pais J. (2011). Financial Inclusion and Development. *Journal of International Development*, 23(5), 613-628. <https://doi.org/10.1002/jid.1698>

26. Stiglitz, J. E., Weiss, A. (June 1981). Credit Rationing in Markets with Imperfect Information. *The American Economic Review*, 71: 3, 393-410. Retrieved from

https://www.researchgate.net/profile/Andrew_Weiss/publication/4733120_Credit_Rationing_in_Markets_With_Imperfect_Information/links/0c960518582a97dfc0000000/Credit-Rationing-in-Markets-With-Imperfect-Information.pdf

27. Vercammen, J. A. (1995). Credit Bureau Policy and Sustainable Reputation Effects in Credit Markets. *Economica*, 62, 461-478. Retrieved from <https://ideas.repec.org/a/bla/econom/v62y1995i248p461-78.html>; <https://doi.org/10.2307/2554671>

28. World Bank (2008). Finance for All? Policies and Pitfalls in Expanding Access, Policy Research Report, Washington, D.C: World Bank.

Received on November 30, 2020